

Чжань Юаньцю изучал не какую-то систематическую практику, а лишь отрывки из трактатов по созданию магических сокровищ. Его наставник, введший его в мир культивации, также был странствующим практикующим. Говорят, что в молодости он получил в Шу половину рукописи о закалке магических инструментов.

Происхождение рукописи было неясным: возможно, это были утраченные записи какого-то уничтоженного клана, а может, чьи-то заметки о древних методах создания магических инструментов. В любом случае, это была бесхозная вещь. Наставник Чжань Юаньцю, получив её, считал её настоящим сокровищем. Однако он не мог даже собрать необходимые материалы, не говоря уже о том, чтобы попробовать. Он лишь планировал продать её, чтобы обменять на что-то полезное.

К сожалению, секреты закалки магических инструментов не вызывали интереса у крупных кланов, а мелкие кланы, видя, что рукопись неполная, тоже не хотели её брать. Другие странствующие практикующие предлагали цены, которые были просто насмешкой над её ценностью.

Так что, владея сокровищем, он не мог им воспользоваться.

Более того, он привлёк внимание других, и в результате схватки несчастный наставник Чжань Юаньцю, получив тяжёлые ранения, сбежал в деревню, в дом кузнеца.

Этот кузнец по фамилии Чжан мог делать всё: от сельскохозяйственных инструментов до охотничьих копий. Его семья не нуждалась в еде и одежде, но его беспокоило то, что его сын родился слабым и часто болел.

Несчастный практикующий, владевший отрывками рукописи о закалке магических инструментов, был спасён кузнецом. Очнувшись, он увидел, что этот слабый и болезненный ребёнок на самом деле обладает неплохим потенциалом. Поскольку он не мог отблагодарить за спасение, он научил мальчика основам дыхательной практики, а также чтению и письму, чтобы тот не остался неграмотным.

Даже отец Чжань Юаньцю, кузнец, и его несчастный наставник изначально лишь надеялись, что он будет здоров.

Из-за тяжёлых ранений и отсутствия лекарств через несколько лет наставник Чжань Юаньцю умер.

Вероятно, чувствуя, что его жизнь была бесполезной, он не оставил никаких слов. Однако, разбирая его вещи, Чжань Юаньцю обнаружил отрывки рукописи о закалке. Как деревенский мальчишка, он принял это за секреты кузнечного мастерства по созданию оружия — ведь в мирное время обычные кузнецы делали только сельскохозяйственные инструменты, а те, кто умел ковать мечи, сразу же становились известными, регистрировались в правительстве и могли служить в армии, получая ежегодное жалование.

В народе были мастера, которые тайно ковали мечи, и им не нужно было жить в деревне. Они могли отправиться в крупные города, выковать партию мечей, и этого хватало на год. Это была светлая перспектива, о которой мечтал Чжань Юаньцю.

Таким образом, унаследовав профессию отца, он продолжил работать деревенским кузнецом, но в свободное время серьёзно изучал методы «создания оружия». Различные редкие материалы он не понимал, считая, что они есть только в городах, поэтому не придавал им значения и просто менял их на железо для экспериментов.

Год, два, десять лет... Благодаря тому, что у него уже была база раннего этапа культивации, сила Чжань Юаньцю росла. Вещи, которые он создавал, становились всё острее и изящнее. В отличие от других кузнецов, он не стал грубым и крупным, а вырос до семи футов ростом, с глубоким взглядом и силой, способной убить горного леопарда одним ударом.

К сожалению, ему так и не удалось создать ни одного оружия. Конечно, обычное железо не выдержало бы методов закалки из мира культивации, но Чжань Юаньцю не обращал внимания, так как испорченные материалы можно было использовать для создания сельскохозяйственных инструментов.

До тех пор, пока охотники из гор не принесли странную руду.

Медного цвета, размером с большой палец, но очень тяжёлая, с острыми краями, способными перерезать железо.

Чжань Юаньцю бросил её в печь, но она никак не плавилась. Тогда он вспомнил, что мастера, создающие легендарное оружие, использовали человеческую кровь для закалки мечей, чтобы они обретали форму.

Он не знал, когда именно нужно было проливать кровь: при извлечении из печи или постоянно...

Считая себя здоровым, он ежедневно выливал небольшую чашу крови в печь.

В то время он не знал, что эта руда была отличным материалом для создания летающих мечей — золотом Гэн. Если бы золото Гэн обладало разумом, оно, вероятно, плакало бы от обиды — как обычный огонь мог его расплавить?

Практикующий на этапе закладки основания, использующий обычную кузнечную печь и методы закалки для работы с золотом Гэн?

Это было создание магического сокровища? Скорее, это была попытка для материала!

Теперь, ежедневно проливая кровь, в ней появилась духовная энергия, и золото Гэн, которое уже долго нагревалось в огне, мгновенно поглотило её. Таким образом, Чжань Юаньцю случайно начал сливаться с золотом Гэн.

В день, когда меч обрёл форму, он внезапно вошёл в состояние полного отрешения, и, сам того не понимая, достиг этапа закладки основания! Он постиг Дао!

Используя наследие своего наставника, Чжань Юаньцю легко нашёл круг странствующих практикующих и с ужасом узнал, что в мире нет мастеров боевых искусств или создателей легендарного оружия. Все эти легендарные мастера были практикующими. Чжань Юаньцю пришлось скорректировать свои идеалы, выбросить молот, мехи и печь. Деревенский кузнец Чжань таинственно исчез, а вместо него появился странствующий практикующий Чжань Юаньцю, носящий полуготовый меч.

Он скитался по миру десятилетиями, от человека, который лишь умел читать, до учёного с обширными знаниями; от деревенщины, который терялся в городе и только озирался вокруг с удивлением, до спокойного и уверенного в себе мастера; от деревенского кузнеца, который не видел серебра и не различал шёлковые ткани, до элегантного молодого человека в роскошных одеждах, с мечом и веером; от полного невежды в мире культивации, ошеломлённого правдой, до практикующего, находящегося в одном шаге от этапа изначального младенца.

Мирская суета, тонкая печать мирских дел.

Некоторые люди теряют свою остроту, принципы и разум, заботясь только о выгоде. Перед лицом сокровищ и возможностей дружба становятся врагами, а возлюбленные убивают друг друга.

Другие же, как золото, просеянное из мутной воды, или нефрит, извлечённый из горной породы, сияют ярко.

Чжань Юаньцю приехал в столицу, чтобы найти подходящее место для подготовки к достижению этапа изначального младенца.

Условия в Великом храме Баого были неплохими, и храм был тише, чем Академия Байшань, поэтому он вышел на арену, одержал несколько побед и уже думал, что не найдёт достойного соперника, а станет служителем храма и будет сражаться с демоническими совершенствующимися, но неожиданно...

Размышляя о приёмах Чэнь Хэ, Чжань Юаньцю шёл за толпой и незаметно провёл на улице целую ночь.

Когда он очнулся, небо уже начало светлеть, и эта шумная и яркая ночь подходила к концу.

— Редкий достойный соперник, — вздохнул Чжань Юаньцю.

После того, как Чэнь Хэ спрыгнул с арены, Чжань Юаньцю был ошеломлён демонстрацией силы Огня в камне. Когда он попытался найти следы Чэнь Хэ, тот уже растворился в толпе.

Монахи Великого храма Баого были заняты тушением пожара, и Чжань Юаньцю, убрав меч, воспользовался моментом, чтобы спрыгнуть с арены и отправиться в случайном направлении в поисках.

Вряд ли монахи храма, которые вчера были в восторге, надеясь заполучить двух мастеров высокого уровня, были рады тому, что их надежды рухнули!

Чем больше Чжань Юаньцю размышлял о вчерашнем поединке, тем больше он убеждался, что у Чэнь Хэ не было опыта сражений с магическими сокровищами или вообще сражений. Чэнь Хэ постепенно осваивал приёмы в процессе боя.

Кроме использования духовной энергии, притворяясь, что использует боевые искусства, его резкие и решительные движения напоминали приёмы, которые изучали солдаты на границе, только более совершенные.

Чжань Юаньцю даже почувствовал в Чэнь Хэ нечто, что трудно скрыть — ауру убийства.

Ту самую ауру, которая появляется после долгих лет смертельных схваток с дикими зверями.

Это потрясло Чжань Юаньцю, и он вспомнил, как сам, будучи кузнецом, часто бывал в горах, сталкивался с тиграми, кабанами и леопардами, и со временем у него тоже появилась такая аура.

Только аура Чэнь Хэ была гораздо сильнее, и даже практикующий на позднем этапе золотого ядра, как Чжань Юаньцю, почувствовал страх. Он чуть не подумал, что Чэнь Хэ вышел из глухих гор Юга.

Это заблуждение породило искреннюю симпатию, и Чжань Юаньцю ещё больше захотел познакомиться с ним.

Однако — судьба, видимо, такова.

Чжань Юаньцю, бродящий всю ночь, усмехнулся, понимая, что, вероятно, этой судьбы не будет.

Что ж, вчерашний бой, хоть и закончился поражением, принёс ему много пользы.

Чжань Юаньцю быстро успокоился, поднял голову и увидел чайный дом. Он решил зайти туда, так как изменил свои планы: не становиться служителем храма и не спешить с достижением этапа изначального младенца. Он хотел покинуть столицу и найти тихое место, чтобы поразмышлять над полученным опытом и снова закалить меч.

Однако, едва он вошёл в чайный дом, ещё не дойдя до стола, почувствовал, что его туфля затянулась.

...

Он посмотрел вниз — ничего.

Ткань на туфле продолжала натягиваться, и что-то упорно пыталось снять её с его ноги.

Что за чертовщина!

Не чувствуя опасности, Чжань Юаньцю не стал применять силу, а лишь махнул рукой, рассеяв духовную энергию.

Искусство отвода глаз Достопочтенного Омывающего Меч было прочным, и Чжань Юаньцю не смог его разрушить.

<http://bllate.org/book/16345/1477397>